

18+

ПОПОВИЖКИНА
ТАТЬЯНА

ГОРЬКИЯ

СИЛИ

Х
Х
Х

Татьяна Половинкина

Горгиппия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55337802

ISBN 9785449810373

Аннотация

Книга для тех, кто любит красивую и сложную поэзию. Чей ум и душу будоражат символисты Серебряного века и романтика шестидесятников. Философия момента, душа иллюстрируемая через пейзажи и состояния. «В поэзию Татьяны я падаю, как в только что собранную душистую скирду сена, не обмятую, не осевшую под действием гравитации, ещё только-только из космоса. Пьянящее сочетание – космоса и самой Земли – существует на стыке волшебства и подлинности». Петра Калугина

Содержание

Сложная простота	6
Полночные стихи	12
Мавро	14
«Гибельный сад облачён в арлекинову робу. ...»	15
«Клеймены молчаньем клёны...»	16
«Осовелые веки овяны...»	17
«Чернозём и бронза – нежный гнев...»	18
«Где чёртово молоко, проросшее возле тына...»	20
«Лёгкий месяц над водою...»	21
«Надломилась тоска певуче...»	22
«Прощания воздушный жест...»	23
Гибели царской семьи	24
«Смолёной луны окуроч...»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Горгиппия

Татьяна Половинкина

Роман Щедрин *Дизайнер обложки*

Игорь Глухой *Редактор*

Кира Саблина *Корректор*

© Татьяна Половинкина, 2020

© Роман Щедрин, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-1037-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Горгиппия – русская Атлантида: её давно не существует, но мы ходим по осколкам её легендарной земли, дышим её мифическим воздухом, греко-русские китежане. Мы живём под вековой водой, в мире, которого не существует.

Сложная простота

Не прекращается спор между «простой поэзией» («традиционной поэзией») и «сложной поэзией». Замечательная краснодарская поэтесса Татьяна Половинкина, вроде бы, принадлежит к стану «сложных поэтов». Это так. Но есть сложность и сложность. Существуют две разные «поэтические сложности» (со своими разными культурными генезисами).

Есть более распространённая сложность, идущая от образного строя стиха. В начале XX века в русской поэзии произошла маленькая революция: означающее слово оторвалось от означаемого предмета. Начали этот процесс символисты, в текстах которых образ мог означать всё что угодно, то есть, не означать ничего. «Прекрасная Дама» Александра Блока – это не Любочка Менделеева; и вообще Прекрасная Дама не ездит на пароходе. В современной «сложной поэзии» такого типа связей между словами и предметами почти нет; «рыбы» в этой поэзии никогда не означают реальных рыб, а «птицы» – подлинных птиц. Но все эти слова могут нести в себе какой угодно смысл. Такие стихи надо расшифровывать как кроссворды, прилагая к тому или иному образу определённый культурный код.

Но есть иная сложность, идущая от языка поэзии. Это когда стихотворение в своей содержательной основе вполне

традиционно, но усложнён способ транслирования этой основы. Такая сложность берёт начало в ранней лирике Бориса Пастернака. До поры для того, чтобы описать весну или осень, было достаточно взвихренных лирических штампов пейзажной лирики XIX века или точного в гиперреализме слова Ивана Бунина. Конечно, Фет пытался сказать о вёснах по-своему. Он изменил план поэтического высказывания, но оставил неизменным язык высказывания. А у Пастернака иным стал язык, превратившись в безудержный ливень поразительных образов, редких слов и взволнованных обмолвок. Однако мы понимаем, что в его сложных стихах речь ведётся не о горних символах и не о переплетении культурных напоминаний, а о реальной весне и о натуральной осени. Постепенно пастернаковский язык вошёл в плоть и кровь советской поэзии. Я не оговорился – именно советской поэзии, в которой «теснота стихового ряда» даже не считалась «модернизмом». Импрессионистически сдвигали семантические характеристики не только диссиденты (такие, как Леонид Губанов), но и вполне почвеннические советские поэтессы и поэты – Татьяна Реброва, Татьяна Смертина, Мария Аввакумова, Светлана Кузнецова, Борис Примеров.

Стихи Татьяны Половинкиной – это традиционные стихи. Пейзажная лирика, поэзия о любви, произведения о процессе творчества, тексты о состоянии собственной души. Но какой яркой, чистой, свежей радостью видятся эти стихи! словно бы помутневшие общелирические темы промы-

ли родниковой водой, и они засияли всеми красками. Чудесный родник Татьяны Половинкиной – необычные слова, сложные синтаксические конструкции, индивидуальные, неповторимые авторские интонации.

Вот как сказано об осени (обычайшая поэтическая тема).

И никакой «осени-просини» и «сентябрьской грусти».

Хотя «журавлиные сны» есть.

Вот опять осень, но другая, поздняя...

А вот – весна...

И, да – в этих необыкновенно зорких к миру вовне стихах есть-таки лирический герой. Точнее, лирическая героиня. Сильная, гордая, дерзкая, чувственная – но и целомудренная, молчаливая, не расплёскивающая себя. Старообрядческая послушница. Есть и скупые, поданные одним штрихом лирические сюжеты. Есть и «ты»...

Но эти сюжеты – не эпические, а лирические; они выражаются не в событиях («полюбил-разлюбил»), а в тончайших движениях и изменениях состояния «я». В сущности, события неважны (рефреном повторяется «я умру и с тобой, и врозь»).

Татьяна Половинкина – безусловный лирик. Бывают поэты-лирики, в чьих стихах совсем нет природы – только чувства и быт. Мне такие поэты не нравятся. Отключённость от природы – разрыв очень важного канала с Бытием; а связь с природой – залог мощного действия этого канала. В стихах Татьяны Половинкиной так много трав, полевых цветов,

деревьев, таинственных озёр, холмов, снегопадов и листопадов, что кажется, будто вся эта флора и синоптика диктует её строки, предьявляет-дарит поэтессе то или иное уникально-неповторимое сложное слово. Не автор пишет стихотворения о природе, а природа сама создаёт их, проходя через душу и дух автора. Оттого эти «модернистские» стихи выглядят так реалистично. Это не холодные «записки фенолога», а звёзды, вётлы, вёсны, грозы, пригорки и ложбины, черёмухи и осоки, овсы и багульники, ставшие поэзией. Летние стихи Татьяны Половинкиной – интонационно само лето, а зимние – говорят так, как говорила бы русская зима. И даже «культурные», «богемные» образы (которых в этой книге немало) продиктованы силами природы. «Гжель и палех» – это «дым и чернозём», которые напитали простой одуванчик; и само стихотворение, словно бы подсказано этим одуванчиком. А как трогательно и незабываемо лето, которое «обратилось в бегство, лапотками наследив»!

Не всё в этой книге ровно: встречается недостаточная отшлифованность языка, бывают несостыковки слов, иногда появляются точечные стилистические срывы в чрезмерность, жеманные гламурности («постмортемы» и «бонеты»), не всегда «переварены» чужие слова (строка «где по ногам взбегают травы» повторяет Юрия Кузнецова, а стихотворение «Рыбы» полностью зависимо от интонаций и образов мандельштамовской «Мастерицы виноватых взоров»; также налицо влияния Бориса Пастернака и Марины Цветаевой).

Но всё живое, настоящее, растущее и развивающееся неотделимо от таких непростых моментов.

А поэзия Татьяны Половинкиной – настоящая. И эта книга безусловно знакомит нас с подлинным Поэтом с большой буквы.

Где в синеве осенний зов,
Станицы туч идут на нерест.
В сосновых рощах рдеет вереск,
Предвестник журавлиных снов.

Блестят, как косяки хамсы,
Дождя уклончивые струи,
Летя в распоротость сырую,
В осоловелые овсы...

Сникают изветшалых листьев кипы,
И высь строга, как скол совиных скул.
Там поездов затравленные хрипы
И над стрехой ветров хоральный гул.

Под рубищем тумана стыннут сопки,
И рощи тлеют грудями тряпья.
Сквозь лязг флюгарки, жалостный и знобкий,
Утешной грусти исполняюсь я.

Весна владычествует без затей,
Вонзая в землю поросли стрекала.
Я перестала свято ждать вестей,
Быть чьим-то терпким вымыслом устала.

Накрытый домотканым рушником,
Доходит день на жостовском подносе.
И рот мой горький больше ни о ком
Отчаянных молитв не произносит.

Где ты будешь, чем ты станешь,
Я тебя не повторю —
Капля каменная капищ,
Пригвождённая к огню.

Кирилл Анкудинов,
кандидат филологических наук,
член Союза Писателей России

Полночные стихи

Поэзия Татьяны Половинкиной, возникнув для меня однажды, продолжает возникать всякий раз, как я с ней сталкиваюсь. Даже нет, не сталкиваюсь – падаю в неё, как в только что собранную душистую скирду сена, ещё не обмятую, не осевшую под воздействием гравитации, ещё только-только из космоса. Это фантастическое, пьянящее сочетание – космоса и самой что ни на есть Земли – каждый раз ошарашивает меня в поэзии Татьяны. Поэзии, существующей на стыке волшебства и подлинности.

Автор, она же лирическая героиня, является неотделимой частью этой магически заряженной экосистемы, кем-то вроде наяды или русалки, да при этом ещё пишущей стихи!

Если у других между автором и «средой» сохраняется дистанция, необходимая для наблюдения и рефлексии, то здесь её нет и быть не может. Татьяна купается в этом открытом космосе Природы, она в нём просто растворена. Она знает множество названий растений и трав, какие-то особые полушаманские, архаические словечки, как бы из самых недр языка добытые, и до чего естественно, уместно они в её поэзии звучат! Это единственный автор, читая стихи которого, я готова заглядывать в Яндекс сколько угодно раз, ища то или иное слово, и не испытывать при этом ни малейшего неудовольствия. Даже наоборот.

Лирическая героиня Татьяны Половинкиной напоминает мне эскимоса, знающего четыреста наименований снега. Только «снегом» в её случае является травяное и древесное, почвяное, речное, лунное, росное, ветряное...

В представленной книге есть и городские стихи. Город у Татьяны – это тоже часть «круга магии», ареал обитания черёмух, дождей и голубей. И космос, здесь тоже есть космос:

Как-то в одном из стихов Татьяны мне встретился образ: сухие листики, словно морские коньки, запутались в грибах ив. С тех пор моя влюблённость в Танину «пейзажную лирику» всё возрастает и возрастает. А кавычки здесь оттого, что назвать эту лирику просто «пейзажной» – всё равно что о льве сказать «просто кошка».

Лоскуты кинолент на осколках-бобиных,
как седые савраскины космы комет.

, Петра Калугина

поэт, писатель, публицист

Мавро

*Каждый день вылетать в трубу,
Видеть чёрное даже в белом!
...Словно тот, кто писал судьбу,
карандаш перепутал с мелом.
И. Зеленцов*

«Гибельный сад облачён в арлекинову робу. ...»

Гибельный сад облачён в арлекинову робу.
Ромбы и розы; под кровлей летучая мышь.
Длинным пером ты берёшь из чернильницы пробу
Жидкого шёлка и им тишину ворожишь.

Сад безголосый – ночная вселенская клякса.
В розах и робах загробная зиждется связь.
Ты поклялась или сад тебе розой поклялся,
Что в тишину и шелка кто-то ляжет из вас.

Вот он стоит, как большой эбонитовый слиток —
Ромбы на крышке кондовой – нетронутый гроб.
Город почил, но ты чуешь черниц и улиток,¹
Робы и розы, и смутного дара озноб.

---

¹ Черницы – то же, что монахини.

«Клеймены молчаньем клёны...»

Клеймены молчаньем клёны,
Звёзды щурятся востро,
Но поёт чердак смолёный
Про Тавриду и тавро.

Кипятком гремит дворовым
Лай аттический; как встарь,
На щеке мазками крови
Горькой глины киноварь.²

Ломче лавра – сердце храбро,
Нити теплятся впотьмах,
Где овец абракадабра
Тонет в чёрных бурунах.

Где под честным взором ночи
Лодки менянной причал,
И большие мыши точат
Ифигении печаль.

---

² Киноварь – оттенок красного цвета и краска этого оттенка, получаемая из ртутного минерала киновари.

«Осовелые веки овеяны...»

Осовелые веки овеяны
Безответным кюветным теплом,
И в глазницах лежат можжевелины —
Два живых огонька в нежилом.

Под тоскливую сказку казацкую
Ты набряк сентябрём в казино,
Где блестят листопады и лацканы,
Где берёзовых дупел зеро.

За Россию, зарёй разорённую,
Ты рулетку ранета вертел,
Чтоб, захлещен грозою-матроною,
Отстоять достоевский удел

И, во сне осознав, что не в плюсе ты,
Для того просыпаться весной,
Чтоб лежать под землёю, приплюснутый
Высоты бирюзовой плюсной.³

---

³ Плюснá – часть ступни между пяткой и основанием пальцев.

«Чернозём и бронза – нежный гнев...»

Чернозём и бронза – нежный гнев,
Медных пчёл блуждающие трубы,
День истлел и ленным трутнем убыл.
Слива— спичка серная в огне.

От дикорождённого плода
До цветочных зорь, девиц стыдливей,
Непорочно опылённой сливе —
В мнишеской холстине голодать.⁴

Неделимы зори и позор,
Осенью пыльца и прах едины.
Пчёлы в чёрной ульево́й груди́не
Памяти земной меднят лазорь.

Словно хоры – полные битком
Восковые выпрени́е соты.
Осень, вулей сердца отчего ты
Православным целишься крюком?⁵

---

⁴ Мнишеский – монашеский (устар.).

⁵ Крюк – в данном случае знак в старообрядческом песнопении, в честь которого его называют крюковым. В то же время часто медовые соты достают из дупел с помощью крюка.

Витражи невыстраданных сот,
Сколько высоты и сколько воска...
Не буди святое улье войско,
Что всесветный караул несёт.

«Где чёртово молоко, проросшее возле тына...»

Где чёртово молоко, проросшее возле тына,
Закрой мне глаза рукой и лоб поцелуй пустынный.
Молчание губ сорвав, ветрами умчится в поле
Сочувственный шелест трав дохнуть на фитиль тополий.

В муку изведут кору древесных жуков буравы.
Не горько, что я умру, к дождю б урожай убрали —
Безмолвно взошла любовь, последняя, яровая.
Не майся, не суесловь: накоплено мук до рая.

Отталкиваясь багром от берега, как от бреда,
Ты зреешь в багровый гром, в терпение короеда.
В истлевшего неба ткань – просоленную холстину —
Лети, дротик-дрозд, не кань за сердцем в слепую тину.

«Лёгкий месяц над водою...»

Роману Рудушу

Лёгкий месяц над водою
Раскачался, как гамак,
И осанкой молодой
Истончился полумрак.

Сок течёт по подбородку —
Свет невысказанных строк.
Лба заоблачная корка
Посреди тугих осок.

Где ты будешь, чем ты станешь,
Я тебя не повторю —
Капля каменная капищ,
Пригвождённая к огню.

«Надломилась тоска певуче...»

Надломилась тоска певуче,
Изогнулась в скрипичный ключ.
Грудь к груди громоздятся тучи
И единственный душат луч.

На сужающемся закате,
Как погром – тополиный пух.
Ты сказал: «Поиграли – хватит»,
Я руками замкнула слух.

Лакированным клапом хлопнул ⁶
Гром жестокой моей беды.
И упал в тополиный хлопок
Первый такт дождевой воды.

---

⁶ Клап – откидная крышка на клавиатуре у пианино.

«Прощания воздушный жест...»

Прощания воздушный жест
Посолонил ресниц солому,
И на священном – цвель и крест,
И существуешь по-иному.

Входя тайком в оглохший парк,
Где по ногам взбегают травы,
Глотаешь серебристый мрак
И дятла заговор картавый.

Во тьме угадываешь цель —
Летучий силуэт качели,
А на священном – крест и цвель,
Качели стон виолончельный.

Беседка клятв насквозь пуста,
Как будто клетка горностая,
И ломкой статуи уста
Целуют крест, не уставая.

Гибели царской семьи

Над кроткой обителью абрис вознёся прощальной
звезды.

О, сколько ещё возожётся? Затерпнет, Господи,
сколько?

Язычникам алой звезды отдана чистота бересты,
Июль – это низменность, белая известь на стёклах.

А город явил неминуемо облик разнузданный свой:
В цветении срубы стояли, спеленаты и дощаты,
Во тьме взъерепенился ветер – не выпавшийся часовой,
И башням площадным, от плача не знавшим пощады,

Ощупывал зло деревянные рёбра, тянул за язык
Литого из царственной меди соборного краснобая,
И белые кости известий бросал для столичных борзых,
И кровь, остывая, по стогнам лилась голубая.

«Смолёной луны окурок...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.